

Б. В. МАРКОВ

**Философия языка и коммуникации.
Человек в мире звуков и образов**

<Фрагменты>

<...>

Аналитическая философия развивалась в ходе анализа языка науки. Но аналогичные проблемы возникают в любых дискурсах и, естественно, они присутствуют в речах на политические темы. Там возникают дополнительные трудности. Строго говоря, в политике речь идет меньше об истинах и больше — о ценностях. Отсюда верификационная теория значения мало эффективна в политологии. Поскольку политический дискурс отличается от научного тем, что описывает мир ценностей и даже мифов, постольку его анализ предполагает использование более разнообразных технологий, нежели разработанные в аналитической философии. Но следует знать и возможности семантики, чтобы затем обратиться к семиологии, мифологии, символизму, герменевтике и теории коммуникации.

Сохраняя старое предубеждение профессионалов против обыденной речи, представители аналитической философии использовали технику построения искусственных формализованных языков. Однако постепенно стало ясно, что язык науки, конечно, обладает преимуществами точности, непротиворечивости, ясности, однако и он не лишен недостатков. В частности, в процессе обоснования математики как строгой науки обнаружилось недоказуемое обычным принятым в науке способом предположение философского характера. Еще больше такого рода допущений обнаружилось в составе таких наук, которые традиционно считаются опытными. Наиболее ярким примером является реконструкция механики Ньютона (заявлявшего, что он не изобретает гипотез), в ходе которой была выявлена устаревшая метафизика пространства и времени. Это заставило заняться вопросом о том, правильно ли сформулирована та или иная теория, не содер-

жит ли она непроверяемых опытным путем метафизических допущений. Таким образом, кроме экспериментаторов, осуществляющих проверку истинности знания, появилась потребность в специалистах по анализу смысла и значения терминов и высказываний. Эту новую нишу и заняли представители аналитической философии. Перед ними открылись две возможности. Во-первых, опереться на лингвистику и логику, так как язык содержит явные (грамматические) и неявные (глубинные) структуры, разрушение которых приводит к бессмыслице и непониманию. Типичным примером такого рода ошибок является фраза: «Она приехала в машине и в слезах». Условием правильных умозаключений являются правила логики, несоблюдение которых ведет к противоречиям.

Кроме логико-грамматических есть и другие явно не записанные правила, управляющие построением осмысленных выражений. Например, неправильно сказать: «Эта рыба пахнет голубым». Эти регулирующие построение осмысленных выражений правила называются семантическими. Собственно, аналитическая философия связана с семантикой самым непосредственным образом. К сожалению, успехи семантики и аналитической философии не так значительны как достижения лингвистики, в частности, трансформационной. Но разобраться с достоинствами и недостатками аналитической философии все же необходимо. От этого зависит вопрос о том, что из нее может быть взято, а что дополнено из других программ, например, герменевтики или теории коммуникации.

Обычно мы утверждаем то, что воспринимаем, и именно эти прямые утверждения легче всего проверить: «За окном идет дождь», «Этот потолок белый», «Температура тела равна 36 градусов». Эти высказывания являются истинными, если они соответствуют тому, о чем идет речь, т. е. действительному положению дел. Однако при ближайшем рассмотрении теория соответствия сталкивается с той трудностью, что, строго говоря, мы не можем сравнить высказывания с действительностью. Они слишком различны, чтобы быть похожими. Более того, «сама реальность» не дана нам непосредственно. Если пока не принимать во внимание, что так называемые факты являются продуктами селекции и интерпретации опыта, то нельзя не учитывать, что реальный мир дан нам в форме чувственных представлений. Таким образом, в поле анализа оказываются уже три различные системы: внешний мир, представления о нем и высказывания. Однако все они настолько различны, что между ними не может быть никакого взаимодействия.

На это возражает наш здравый смысл: разве предметы не воздействуют на наши органы чувств? На сетчатке наших глаз имеются маленькие перевернутые образы предмета, на который мы смотрим. Конечно, не вполне еще ясно, как эти образы превращаются в представления, однако можно с уверенностью утверждать, что у здоровых людей они соответствуют действительности. Что касается сходства высказываний, вещей и представлений, то тут картина тоже не ясная, но вопрос об истинности высказываний о наблюдаемых событиях решается относительно просто. Высказывание «Потолок белый», может подтвердить или опровергнуть любой человек. Для этого достаточно поднять голову.

Специалисты по языку и психологи еще долго будут решать вопросы о механизмах, благодаря которым мы выстраиваем образы и высказываемся о мире. Однако, даже не зная правил грамматики и логики, мы можем правильно мыслить и изящно выражать свои мысли. Также точно, не зная физиологических и психологических механизмов формирования наших представлений, мы доверяем своим органам чувств.

Разумеется, надо понимать, что эпистемологические исследования ведутся не только из-за любопытства. На самом деле они необходимы для лечения нарушений речи и восприятия. Результаты когнитивных наук весьма ценны и полезны и для построения искусственного интеллекта. Но все это не устраняет того факта, что знание психологии, логики, лингвистики и, тем более, философии не слишком сильно помогает нам в познании и общении. Если уж представители точных наук занимаются своим делом, не обращая внимания на перечисленные дисциплины, к коим можно еще добавить историю и социологию, то зачем простым людям учитывать все эти сложности, которые по мере развития наук не столько рассеиваются, сколько наоборот сгущаются?

Мы все живем в этом мире и приспособлены к нему. Что касается языка, то мы научены говорить так, как все, и обычно понимаем друг друга. Язык, мышление, опыт, наконец, объективная реальность каким-то образом скоординированы друг с другом. Стало быть, повседневный язык может рассматриваться не как предмет критики, а как основа языка науки и метафизики. Поворот в философии языка в XX столетии вызван обращением Витгенштейна к анализу обыденных речевых практик. Они отличаются от профессиональных языков тем, что используют не одну, а множество языковых игр. Поэтому Витгенштейн заменил понятие истины достоверностью, которую он связывал с нормами и правилами, регулирующими формы жизни. В естественном языке нет универсальных стандартов истины и морали,

но есть некие обязательные правила поведения. Однако они могут применяться в зависимости от ситуации по-разному. Расцениваемые прежде как недостатки: нечеткость, бессистемность многозначность, зависимость от контекста и другие характеристики обыденного языка на самом деле оказываются важнейшими свойствами, обеспечивающими его продуктивность. Отказ от строгих, заранее и как бы независимо от речевых практик установленных абсолютных критериев значения в пользу контекстуально переплетенных, взаимозависимых дискурсивных и недискурсивных жизненных практик открыл совершенно новые перспективы для философии языка XX в.

Поводом к углубленному анализу простейших, кажущихся самопонятными выражений, стал анализ философских проблем. Они имеют необычный характер. Философы сомневаются в существовании внешнего мира, души, другого Я. Например, Августин был озабочен вопросом о сущности времени, а Фреге болезненно переживал неудачи попыток определить сущность числа. О чем эти вопросы, разве недостаточно, что есть часы, показывающие время, и правила математики, регулирующие операции с числами? Ранний Витгенштейн считал философские проблемы псевдопроблемами, возникающими в результате ошибочного употребления языка. Однако постепенно он признает философию как равноправную языковую игру, и предупреждает только о том, чтобы не путать ее с другими способами использования языка. Действительно, если громко сомневаться в существовании внешнего мира на улице или в транспорте, то нетрудно угодить в медицинское учреждение.

Понимание языка как формы жизни трансформирует «игровое» его понимание. В игре есть правила. Их бессмысленно расценивать как истинные или ложные. В силу многообразия игр и негибкости сознания, возможна путаница. Это случается с философами. Определенные правила игры навязывают нам говорить о чем-то, как реально существующем. Есть понятия, используемые в других играх, где не имеют дела с реальными вещами. Заблуждение проявляется в том, что философы не принимают во внимание различное употребление слов в различных языковых играх. Независимо от того, идеалисты они или реалисты, они понимают слова как имена сущностей. Они исходят из того, что если слово ни к чему не относится, то оно лишено значения. Но если они не могут указать что-то телесное или реальное, то придумывают «дух», «субстанцию» «абсолют».

На то или иное использование, применение высказываний, на то, что значения отсылают не только к идеям или понятиям,

но и к действиям, координатором которых выступает язык, указывает прагматика. Знаки употребляются и понимаются в определенном практическом контексте, в рамках социального жизненного мира. Они, конечно, отличаются от сигналов, вызывающих реакции непосредственно. Слова, которые мы слышим, могут восприниматься как команды, просьбы, советы, пожелания и т. п. Конечно, при этом они должны быть поняты. Стало быть, знаки проходят стадию понимания и поэтому они не свободны от ментальных переживаний. Но важно и то, что понимание связано не только с внутренним, но и с внешним планом деятельности. В противоположность феноменологии, аналитическая философия понимает «истинность» не как очевидность опыта сознания, а как достоверность правил языка, закрепленных институтами. Ответ на вопрос о том, как функционирует язык, дает не определение его сущности, а изучении разнообразных практик его употребления. Аналитическая философия продолжает критическую традицию и выявляет разного рода трудности не только в обыденном или философском, но и в научном использовании языка.

<...>

В «Трактате» Витгенштейна атомарные высказывания как бы приколоты к самой реальности, их истинность не вызывает сомнений потому, что каждый, имеющий глаза, способен убедиться в том, что высказывание обозначает непосредственно воспринимаемое положение дел. Способность видеть и убеждаться в очевидном кажется ему невозможной в «Философских исследованиях». Мы контролируем сложные принципы, но арматуру языка составляют простые неприметные высказывания типа «вот стул», «этот предмет красный» и т. п.

Р. Карнап в своей ранней работе «Логическое строение мира» (1928) призывал к необходимости достроить грамматику и логику наукой о «логическом синтаксисе». Он указывал на тот факт, что существуют правильные, но при этом ничего не значащие и бессмысленные утверждения. Витгенштейн немало усилий приложил для прояснения ментальных состояний и старался прежде всего избавить высказывания о них от натуралистической интерпретации. «Постарайтесь не думать о “понимании” как ментальном процессе, ибо именно это приводит к заблуждению». «Я понимаю» и «я знаю» не является сообщением о «нечто», о чем-то внешнем или внутреннем. Эти высказывания отсылают к чувству личной уверенности. «Я знаю, что это дерево береза», «Я знаю, что это моя рука». Витгенштейн оспаривал особый статус такого рода высказываний. В них нельзя усомниться.

«Я знаю, что это истинно» — это как бы предостережение: мы приближаемся к границе сомнений. Если в этом сомневаться, то может рухнуть все остальное.

Таким образом, ссылки на знание и понимание в эпистемологии означают не апелляцию к личному опыту, а выражают согласие философа с общепринятыми нормами. Витгенштейн подробно анализирует примеры употребления выражения «я знаю ...», которые показывают, что за «знанием» не закреплено какого-то прочного значения. «Я знаю, что это стул» может сказать слепой. Но в устах зрячего и не буйного это выражение звучит нелепо. В разных случаях употребления выражения «Я знаю...» речь идет о выражении согласия собеседником, о его убеждении, о наличии доказательств. В аналитической философии после появления «Философских исследований» Витгенштейна проблема обоснования такого рода высказываний уже мыслится не как результат соотнесения идей и вещей, слов и объектов, правильность которого гарантируют эпистемологи, а как результат социальной практики и научения языку.

<...>

